

— Дикая собака? — Судья-лекарь Чжан недоумённо моргнул.

Ни во дворце, ни в Восточной Ограде подобным тварям взяться было неоткуда, но он не осмелился расспрашивать дальше, лишь уточнил:

— Позвольте узнать, не нанесла ли эта собака Вашему Тысячелетию серьёзных ран?

— К счастью, это был всего лишь щенок, зубы ещё не все прорезались, — холодно бросил Ле Тянь. — Хватит болтовни, лечи меня.

— Ваше Тысячелетие, у вас скопилась застойная кровь. Мне нужно приготовить отвар для горячего компресса, чтобы лекарство проникло глубоко в ткани. Его придётся прикладывать семь дней кряду, и тогда всё заживёт.

«Семь дней?! — Ле Тянь ещё сильнее впился пальцами в руку Хань Ци. — Слышал, дикий пёс?! Семь дней!»

Лицо его потемнело, взгляд стал ледяным.

— Живо готовь лекарство, — приказал он.

Все необходимые снадобья были под рукой. Судья-лекарь Чжан велел принести притирки из Императорской медицинской академии и в боковом покое принялся споро разогревать состав. Вооружившись нефритовым шпателем, лекарь начал накладывать мазь.

«Больно, больно, больно! — вопил Ле Тянь в своём сознании. — Я больше не выдержу! Спасите! Помогите!»

Он мёртвой хваткой вцепился в предплечье Хань Ци, его бледное, обескровленное лицо исказилось от невыносимой муки.

[Потерпи, — бесстрастно отозвалась Система. — Считай это репетицией ваших будущих сцен с Хань Ци, где будет «любовь через страдания»]

Ле Тянь:

[...]

Когда терпеть стало совсем невмоготу, Ле Тянь притянул руку Хань Ци к себе и, разомкнув

челюсти, укусил его за ложбинку между большим и указательным пальцами.

От резкой боли офицер распахнул глаза, и его взору тут же открылось тело Линь Ле Тяня.

Ярко-красное лекарство на бледной, точно снег, коже казалось россыпью лепестков алой мейхуа. Картина была одновременно пугающей и завораживающей — в этой истерзанности сквозила странная, порочная красота. На мгновение Хань Ци не смог отвести взгляда.

Судья-лекарь Чжан, заметив, что тот очнулся, поспешно проговорил:

— Господин офицер, вы человек крепкий. Прошу вас, направьте свою внутреннюю силу, чтобы помочь лекарству разойтись по телу Его Тысячелетия.

Ле Тянь, всё ещё сжимавший зубами руку Хань Ци, разумеется, не мог возразить.

Пока одну конечность временщик удерживал зубами, вторую Хань Ци, следуя указанию лекаря, прижал к ушибленной пояснице. Лекарство жгло жаром, но кожа Линь Ле Тяня там, где не было раны, оставалась прохладной, нежной и невероятно гладкой, словно драгоценный шёлк. Всякий, кто хоть раз коснулся бы её, не пожелал бы отнимать руки.

Молодой человек закрыл глаза, прогоняя прочь сумбурные мысли. Сосредоточившись, он начал с силой втирать мазь.

Стоило ему поднажать, как боль Ле Тяня вспыхнула с новой силой. Тот ещё яростнее впился в ладонь Хань Ци, чувствуя во рту привкус крови.

Когда с процедурой было покончено, юноша чувствовал себя так, будто из него вытрясли душу. Хань Ци, повинувшись кивку лекаря, помог ему запахнуть нижнюю рубашу и укутал в тонкое одеяло. Сознание Ле Тяня мутилось от пережитого, и как только острая боль чуть утихла, он наконец разжал челюсти.

Хань Ци отнял руку — место укуса превратилось в кровавое месиво. В уголках губ временщика запеклись алые капли, точно растёртая киноварь. Его белые ровные зубы, скрытые за ярко-красными губами, тоже были испачканы кровью, отчего сам он выглядел хрупким и донельзя жалким.

— Господин, ваша рука... — негромко произнёс судья-лекарь Чжан.

— Пустяки.

Хань Ци поднял Ле Тяня, свёрнутого в одеяло точно кокон шелкопряда, и отнёс во внутренние покои, бережно уложив на ложе подле императора.

Ле Тянь на протяжении всего пути не издал ни звука, позволяя распоряжаться собой как угодно. Разметав по подушке иссиня-чёрные волосы, он забылся глубоким, тяжёлым обмороком.

Некоторое время Хань Ци пристально смотрел на него.

«Этот жестокий и властный человек, оказывается, так сильно боится боли. Да ещё как сильно»

Этой ночью стража больше не требовалась. Ле Тянь в своём нынешнем состоянии вряд ли смог бы даже пошевелиться, не то что встать. Выйдя из спальни к ожидавшему снаружи лекарю, Хань Ци произнёс:

— Девятитысячелетний не желает тревожить Его Величество. Прошу вас, господин судья-лекарь, придите завтра на рассвете, чтобы сменить повязки Девятитысячелетнему.

— Да, всё будет исполнено по воле Его Тысячелетия, — вздохнул Чжан. — Господин офицер, позвольте мне перевязать вашу руку?

— Не стоит, это лишь царапина.

Хань Ци спрятал руку в рукав и, коротко поклонившись, ушёл.

Судья-лекарь Чжан долго смотрел ему в спину, пока силуэт офицера не растаял в ночной тени, и пробормотал себе под нос:

— Странно... Кажется, я где-то его уже видел.

Дворцовые переходы погрузились в безмолвие. Слуги на ночном дежурстве застыли подобно изваяниям, словно вросли в древние стены. Хань Ци ранил ту самую руку, которой держал саблю; когда пальцы касались холодного эфеса, рану пронзало острой болью. Он шёл с бесстрастным лицом, но шаг его становился всё стремительнее.

Он вернулся. Он наконец-то вернулся!

Воспоминание

Миновав бесконечную вереницу коридоров и оказавшись там, где не было лишних глаз, Хань Ци наконец остановился. Он прижал ладонь к ледяному камню стены, и в его глазах закипел вихрь чувств.

В бытность принцем Хань Ци жил в Павильоне Обширного Моря — неприметном месте среди множества дворцовых построек. Его мать, Благородная госпожа Шэнь, скончалась, когда ему не исполнилось и трёх месяцев. Его судьба была во многом схожа с судьбой Цзун Яня, но участь оказалась совсем иной.

До двенадцати лет он был безвестным принцем. Пусть ему не была уготована высшая власть, он жил в мире и радости. Но в двенадцать лет на него навесили клеймо «губителя матери» и сослали прочь из столицы. На почтовой станции его ждала засада: стрела пронзила грудь, а ноги едва не сгорели в пожаре. А после, на полях сражений, он прошёл через бесчисленные кровавые бури.

Хань Ци с силой ударил кулаком в стену. Рана на руке вновь раскрылась, и свежая кровь медленно просочилась сквозь пальцы. Но эта боль для него была ничем.

«Линь Ле Тянь... За все страдания, что я перенёс, ты заплатишь в стократном, в тысячекратном размере!»

На следующее утро

Ле Тянь провёл ночь в кошмарах: ему снилось, будто кто-то безжалостно топчет спелую землянику. Проснувшись, он в ужасе воскликнул в мыслях:

«Система, я что, парализован?!»

Ниже пояса он не чувствовал абсолютно ничего — тело было словно каменное.

[Нравится «любовь через страдания»?] — съязвила Система.

«У-у-у... Я был неправ...»

Система фыркнула:

[Ты не парализован. Просто лекарство подействовало, оно обладает сильным обезболивающим

эффектом]

Ле Тянь облегчённо выдохнул:

«Судья-лекарь Чжан не зря занимает свой пост. Его нужно обязательно наградить»

Лёгок на помине — в дверях показался Чжан со своим ящичком. Переступая через порог, он смешно вертел круглой головой, разыскивая пациента.

Хань Ци, вернувшийся после ночного дежурства, застал лекаря у самого входа и негромко кашлянул. Чжан обернулся и прошептал:

— Господин офицер.

Хань Ци кивнул и вошёл внутрь. С абсолютно спокойным лицом он склонился, чтобы поднять Девятитысячелетнего, но тот уже открыл глаза. Временщик безучастно смотрел в потолок, его зрачки были затуманены, словно он всё ещё пребывал в полузабытьи.

— Ваше Тысячелетие.

Ле Тянь медленно повернул голову.

— Что такое?

— Пора менять лекарство, — негромко произнёс офицер.

Юноша с трудом высвободил руку из-под одеяла и вlepил Хань Ци пощёчину. У него совсем не было сил, удар вышел бесшумным — не сильнее, чем прикосновение кошачьей лапки. Хань Ци даже не дрогнул и молча поднял его на руки.

Когда пришло время менять компресс, чувствительность к Ле Тяню вернулась, а вместе с ней — и неопиcуемая боль. Он снова вцепился в руку Хань Ци, терзая её зубами, и плакался Системе:

«Я больше не хочу никакой мести и страданий с Хань Ци! Это чертовски больно!»

[Хех, разве у слонов не толстая кожа?]

«Хнык-хнык-хнык...»

После всех мучений юноша вновь почувствовал себя совершенно обессиленным. Он велел Хань Ци перенести его в собственные покои, пока Цзун Янь не проснулся и не поднял шум, заведя его в таком виде. Затем он позвал Чжу Чучу и дал ей наставления, что отвечать государю.

Чучу слушала его со слезами на глазах, кусая губы.

— Ваше Тысячелетие, позвольте мне вернуться и прислуживать вам.

— Нет нужды. Оставайся присматривать за Его Величеством, — сухо обронил Ле Тянь и хлопнул офицера по плечу, давая знак трогаться.

Оказавшись в родных стенах, юноша наконец смог немного расслабиться. Он бросил взгляд на руку Хань Ци, которая всё ещё придерживала его — на коже виднелись глубокие отметины от зубов.

Уже лёжа в постели, Ле Тянь лениво спросил:

— Болит?

Хань Ци качнул головой:

— Нет.

— Подойди ближе, — велел временщик.

Хань Ци подчинился, и тут же получил новую порцию царапин от его ногтей. Подавив вспыхнувший в душе гнев, он стоял, низко опустив голову, чтобы Ле Тянь не увидел его унижения.

— Подчинённый виноват, — процедил офицер сквозь зубы.

Спустя долгое время сверху донёлся тихий, почти невесомый голос:

— Ступай в Императорскую медицинскую академию, пусть тебе перевяжут руку. Твои раны мозолят мне глаза.

Сердце Хань Ци на миг пропустило удар, но он тут же подавил нахлынувшие чувства.

— Слушаюсь.

В академии судьи-лекаря Чжана не оказалось, и перевязкой занялся дежурный врач.

— Господин, — с недоумением спросил он, — кто же вас так искусал?

Хань Ци равнодушно ответил:

— Дикая собака.

<http://bllate.org/book/15325/1412810>